

DOI 10.17223/19986645/26/2

УДК 81'37, 81'366.52

Н.Д. Голев

«ОБЩИЙ РОД» И ГЕНДЕРНАЯ СЕМАНТИКА РУССКИХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ: БИГЕНДЕРНОСТЬ ИЛИ АГЕНДЕРНОСТЬ?

В статье рассматривается гендерность как функционально-семантическая категория современного русского языка с широким диапазоном разнопланового содержания и разноуровневых средств его выражения. План содержания категории организуется различными параметрами. Центральным из них является оппозиция гендерности и агендерности. Агендерность широко представлена в сфере одушевленных существительных, в их числе ее представляют существительные, традиционно относимые к общему роду. Гендерность маркируется на системном уровне наличием гендерной семы в самом лексическом значении, которая может быть сильной и слабой. В денотативно-речевом плане гендерность может быть представлена имплицитно (как знание ситуации) и может эксплицироваться в разных формах, в том числе в виде несогласуемых форм адъективных определений и сказуемых. Грамматическая семантика (морфологический род) существительных существует в лексеме независимо от модулирующей денотативно-речевой семантики.

Ключевые слова: существительные общего рода, морфологическая система русского языка, обыденное метаязыковое сознание, род как грамматическая категория, гендерность как функционально-семантическая категория, согласование, тенденция к аналитизму.

Вступление

Настоящая статья представляет собой развитие тезисов, подготовленных нами для доклада на Виноградовских чтениях в 2001 г. [1]. Поводом для их продолжения послужил наш отзыв о кандидатской диссертации О.Ю. Горбацкой. В ней были исследованы существительные, традиционно относимые к общему роду, с антропоцентрических позиций [2]¹. Данная диссертация и отзыв о ней послужат далее одной из отправных точек в развитии сюжета предлагаемой статьи.

Обзор литературы (в том числе новейшей), проделанный диссертантом, показал, что, во-первых, традиционные взгляды на существительные общего рода как на лексемы, способные менять грамматический род в разных контекстах и, соответственно, в разных номинативных ситуациях, как был, так и остается в отечественной морфологии доминирующим и устойчивым и, во-вторых, что представление о составе группы существительных в литературе весьма пестрое и аморфное, что говорит об отсутствии у авторов определенной теоретической концепции, объясняющей феномен «грамматического трансвестизма». Подводя итог обзора, О.Ю. Горбацкая справедливо отмечает: «На сегодняшний день Грамматики и толковые словари русского языка о существительных общего рода содержат сведения, не складывающиеся в

¹ Диссертация во многом является развитием теоретических положений, высказанных научным руководителем диссертанта – Е.Б. Трофимовой в статье [3].

цельную картину, отражающую действительность» [2. С. 72]. Несмотря на такую фиксацию нерешенности теоретического вопроса о сущности «категории» общего рода, диссертант тем не менее следует традиции использования и трактовки терминов-понятий «общий род», «категория общего рода» и в результате также не достигает желаемой цельности в конструктивной части исследования. На наш взгляд, это свидетельство того, что традиционная концепция не обладает достаточной объяснительной силой. Объявленный диссертантом антропоцентризм «категории» общего рода в исследовании оказывается лишь ее дополнительной характеристикой, в которой метаязыковым оценкам родовой принадлежности одушевленных существительных, данным рядовыми информантами, придается статус объективных квалификаций их (существительных) грамматического рода.

Исходные теоретические позиции исследования

Далее мы сделаем свою попытку построения концепции общего рода, исходящую не из таких оценок, а из **системно-морфологических** представлений о грамматической категории рода в современном русском языке как элементе общей морфологической системы – составной части общей (вместе с синтаксисом) грамматической системы.

Кратко изложим эти представления, базирующиеся на идее имманентных значимостей морфологии как системы, сформированных потребностью обслуживания прежде всего синтаксических значимостей, но тем не менее относительно не зависящей от них. Согласно таким, системоцентрическим, взглядам основной функцией морфологии является перевод слов как единиц словаря в словоформы как единицы текста, маркирующие принадлежность слова синтаксическому плану текста. Главный компонент морфологических значимостей, проявляющийся на самых верхних (эмических, инвариантных) «этажах» морфологической системы, – синтаксический; номинативные оппозиции здесь, как правило, ослаблены или, по крайней мере, самым существенным образом опосредованы коммуникативной функцией, непосредственно связанной с текстовыми и синтаксическими сущностями. Категория рода, наряду с другими, также «обслуживает» синтаксическую идею согласования. «Согласовательная» значимость в парадигме родовых граммем является ядерной. Способность детерминировать согласуемые формы – внутреннее морфологическое содержание граммем рода имен существительных и некоторых местоимений-существительных (*кто был / что было*). Внешнее по отношению к морфологическим значимостям номинативное содержание (а именно признак половой принадлежности обозначаемых одушевленным существительным живых существ) и внешняя форма (система флексий) не составляют внутренних значимостей рода. Они в лучшем случае выступают в роли факторов распределения существительных по родам, но этот аспект для категории рода является генетическим, а не синхронно-функциональным. Синхронное функционирование категории рода на эмическом уровне в русском языке отчетливо показывает, что ее зависимость от номинативного значения пола и системы флексий не носит обязательного и регулярного характера (важнейшие показатели морфологической сущности) и не может пре-

тендовать на роль инвариантного признака граммем рода. Данные граммемы являются относительно условными по отношению как к полу обозначаемого живого существа, так и к флексиям самой лексемы¹.

Проекция исходных позиций на гендерную семантику слов, относимых к общему роду

С очерченных позиций в работе О.Ю. Горбацкой (как и в многочисленных работах ее идейных предшественников) исследуется не грамматическая, а семантическая проблема, касаемая семантики контекста и слова, речевой и системно-языковой семантики и номинативных способностей лексемы. На наш взгляд, для такого подхода есть все основания. Гендерность² существует в языке не как грамматическая, а как понятийная или, по А.В. Бондарко, **функционально-семантическая** категория³, выражаемая средствами разных уровней, в том числе, разумеется, морфологическими средствами, хотя они лишь опосредованно зависят от пола денотата существительного.

Мы полагаем, что семантика гендерности существует в двух ипостасях – **системной**, «прикрепленной» к слову как единице лексической системы (к примеру, в лексической семантике слов *теща*, *роженица*, *стюардесса*, *мым-ра*, *мегера* и т.п. содержится сема женскости), и в **контекстно-денотативной** (в другой парадигме – рефрентной) – при обозначении данным словом конкретных лиц в определенных контекстах-ситуациях⁴. В таких случаях мы имеем дело с семантикой не только слова, но и всего контекста и – глубже – всей коммуникативной ситуации, так как гендерная сема являет себя носителем языка как знание реальной ситуации, сопровождающееся актуализацией или нейтрализацией семы мужскости и женскости, в том числе и в семантике слов, обозначающих участников этой ситуации, к примеру, таких, как *судья*, *врач*, *бездарь*, *простофиля*, *кенгуру*).

В номинативном плане при таком подходе, по сути дела, трактуется способность одушевленных существительных обозначать живых существ обоих полов (или преимущественно одного пола). Полагаю, что это значимая задача семасиологии и ономасиологии, так как такая «гендерная способность» неодинакова у разных слов, обозначающих лиц, при этом между полюсами та-

¹ Наше представление исходных позиций осуществлено для того, чтобы вписать анализ феномена общего рода в более общий методологический контекст и придать ему последовательность движения «сверху вниз». Автор хорошо сознает, что очерченные идеи не могут претендовать на сколько-нибудь значительную новизну – в истории языкознания накопилось огромное количество общих подходов и конкретных идей. Их обзор и разного рода систематизация уже неоднократно осуществлялись, например, в [2, 4, 5, 6]. В них отмечены и такие значимые для развиваемой нами концепции идеи, как указание на отсутствие четкого разграничения рода и пола в традиционной морфологии, на отрицание гендерной детерминации родовых оппозиций, на приоритет согласования над гендерной семантикой в грамматической категории рода и др.

² В статье термин «гендер» и все производные от него используются как синонимы слова «пол» и его производных. Задачи исследования не предполагают дифференциации смыслов «пол» и «гендер», принятой в современной гендерной лингвистике. Главная оппозиция для нас – гендер (пол) и образуемая на его основе функционально-семантическая категория и род как грамматическая категория.

³ Такую квалификацию данной категории делает также М.В. Ласкова [5].

⁴ В.В. Виноградов использовал для обозначения денотативного значения такого типа термин «предметно-смысловое содержание» [7. С. 56].

кой способности находится большая промежуточная зона. Например, слово *кокетка* содержит в себе сему женскости, но эта сема слабая, она не мешает обозначить этим словом мальчика или юношу, в слове *повеса* сема мужскости сильнее, и использование ее по отношению к женщине уже имеет налет метафорического переноса¹. *Шляпа, тряпка* или *пила* в переносном значении в сигнификативном плане «бесполы», а в денотативно-референтном плане *тряпка* скорее мужская инвектива, а *пила* – женская. Слова *судья, воевода, персона, особь, особа, дитя, чудовище, существо, лицо, солнышко* (перен.), *тварь* – **не несут в себе семы** мужскости и женскости и **не имеют противопоказаний** для их употребления в качестве обозначений лиц обоих полов. Соответственно в выражениях *типа врач пришла, наша врач, кенгуру кормила детеныша* и т.п. существительные мужского рода, обозначающие существа женского пола, не становятся в данных контекстах существительными женского рода, а вне контекста не являются существительными «общего» рода. В данном случае не имеет значения, идет ли речь о концепции бигендерности «иногда мужского и иногда женского» или, как у В.В. Виноградова, «и мужского, и женского» – это варианты одного подхода, имеющего в виду зависимость рода от пола денотат и различающегося планами существования единиц языка – реализационным и потенциальным. Род прилагательных и глаголов определяется в данных контекстах не родом существительного, а контекстно-денотативной, «наведенной» (по терминологии И.А. Стернина) семой, актуализируемой автором контекста.

Агендерность и независимость формально-грамматического и гендерного планов содержания как базовые свойства слов, соотносимых с общим родом

Такие лексемы с точки зрения их номинативного употребления являются не **бигендерными** (как вытекает из исходной презумпции традиционной концепции общего рода), но **агендерными**² (такова презумпция предлагаемой нами концепции). Состав агендерных одушевленных существительных и местоимений в русском языке много- и разнообразен: *егоза, сирота, умница, бездарь, дитя, животное, синица, конь, чудовище, пугало, кукла, особа, особь, персонаж, тип, судья, врач, я, себя, кто*³. Агендерность таких лексем – центральный пункт развиваемой нами концепции общего рода, который по ходу дальнейшего обсуждения будет представлен в разных аспектах. Важно подчеркнуть, что реализуемый подход актуален не только для общего рода. Точно так же можно поставить вопрос в парадигме одушевленности. Например, существительное *представитель* является денотативно «безодушевленным» – оно в равной мере может обозначать и живых существ, и не-

¹ Полагаем, что и семантику граммемы (синтаксическую значимость) существительных типа *егоза* следует квалифицировать как ослабленную. Это особый аспект описания, не входящий в задачи настоящего исследования.

² Предлагаемые нами термины «бигендерный», «агендерный» (а также производные от них) мы употребляем только в узкоспециальном лингвистическом смысле и не соотносим их с омонимичными терминами из других научных сфер.

³ Большинство из представленных лексем (или их типов) в приведенном ряду фигурируют в качестве примеров лексем общего рода в лингвистической литературе по данному вопросу.

живые предметы, оставаясь грамматически одушевленным: *я изучаю ос – представителей класса насекомых, я изучаю алмазы – представителей класса кристаллов.*

Второй, не менее важный, пункт – системная независимость гендерных характеристик лексемы (и ее означаемого) от грамматического рода и наоборот. Не имеет значения, какого **грамматического** рода агендерные существительные, обозначающие мужчин и женщин, самцов и самок. Они могут иметь любую родовую принадлежность, скажем *воевода, судья, староста, денди, кит* – мужского, *дитя, существо, ваше высочество, животное* – среднего, *особа, кокетка, сирота, плакса, тварь, гнида, бездарь, синица* – женского. Столь же естественна для русского языка возможность обозначения существ женского пола (равно как и мужского) лексемами любого грамматического рода. Все это означает, что гендерность в существенной мере дистанцирована от грамматической категории рода. Гендер и род в современном русском языке уже давно живут в параллельных мирах – род определяется по согласовательной потенции существительного (при ее утрате, как например, у числительных и наречий типа *жаль* или междометий *караул* теряется и грамматический род)¹.

Тесная детерминационная увязка гендера и рода (при примате первого)² в синхронии русского языка, обычная для традиционной морфологии³, – один из устойчивых лингвистических мифов, поддерживаемых наивным метаязыковым сознанием. Для обыденного сознания характерен поиск пола обозначенного существа для квалификации рода одушевленного существительного, и, наоборот, денотатам, обозначенным словами мужского и женского рода, часто приписываются соответствующие свойства [8, 9].

Из таких воззрений органически вытекает зависимость рода от контекста, в котором пол актуализируется. Однако грамматический род существитель-

¹ Утверждение о непересечении денотативной семантики гендера и грамматического рода существительных является, конечно, чрезмерно категорическим, оно возникло в силу потребности максимально дистанцироваться от ортодоксальных положений и терминов, мешающих объективно взглянуть на проблему. Это утверждение необходимо «ослабить». Разумеется, гендер опосредованным образом влияет на грамматическую категорию рода существительных, но не столько на ее внутреннюю синхронно-функциональную системную сущность, сколько на генетические стороны данной категории. Обычно говорят о распределении существительных по родам и влиянии в связи с этим гендерного фактора на лексическое наполнение родовой парадигмы. С этим трудно не согласиться. Но проблема вхождения слов в классы для грамматической категории рода не центральная, а периферийная (ранее мы указали на ее связь с генетической стороной категории рода); род как классификационная категория предполагает наличие классов и их системные оппозиции, а механизмы лексического заполнения этих классов-ячеек вопрос важный, но не главный. В школе есть классы – первый, четвертый, седьмой... Они различаются функцией (в частности, содержанием программы), а какие ученики и почему их (классы) заполняют, вопрос из другой плоскости. В нашем случае не грамматической, а лексической.

² В качестве примера такой зависимости можно привести тот факт, что в ряде словарей (например, в словаре С.И. Ожегова) в качестве начальной формы прилагательных типа *замужний, беременный* дается форма женского рода.

³ Определение «гендерно-родовой», активно используемое в диссертации О.Ю. Горбачкой [2] (в том числе в ее заглавии), следует квалифицировать как конструкт кентаврического типа. Автор определяет предмет своего исследования как выяснение «факторов, влияющих на носителей русского языка при определении **родовой** принадлежности имен существительных», на деле же в диссертационном эксперименте информантами выясняется **половая** принадлежность денотата существительного, которая трактуется ими (и диссертантом) как квалификация грамматического рода.

ного определяет не контекст или денотативная ситуация. Такая зависимость – нонсенс для морфологической системы, в частности, по следующей причине системного свойства: она (зависимость) лишает категорию рода несловоизменительного (классификационного) статуса, в соответствии с которым во фразах, скажем, *Петя забияка* и *Маша забияка* мы должны констатировать наличие двух разных лексем: *забияка* (муж.) и *забияка* (жен.), что противоречит как высокой теории, так и здравому смыслу (или, по терминологии Е.Б. Трофимовой [3] и О.Ю. Горбачевой [2], системоцентристскому и антропоцентристскому подходам).

Из сказанного вытекает, что понятие «общего рода» является для строгой грамматики фикцией. Слова *забияка*, *шляпа* (перен.) или *особь* – слова женского рода, способные обозначать лиц обоих полов, а *судья*, *кандидат*, *ребенок* – мужского с аналогичной способностью. Такая способность – проблема номинации и семантики, а не морфологии.

Отсутствие синтаксической семантики – способности детерминировать согласование – у слов, относимых к общему роду

Особо следует сказать о сочетаемости слов в контекстах типа *она хорошая врач, поэт была седая и худая*. Женский род у прилагательных здесь наличествует не потому, что существительные *врач* и *поэт* женского рода и что с ними прилагательные и глаголы якобы согласуются по роду. Но у этих существительных в лексическом значении нет внутренней, имманентно присущей им, семы женскости. Так же как, например, нет согласования по числу в лакейском контексте типа *княгиня Вера приказали* – грамматическое значение множественного числа у глагола здесь появляется независимо от числа существительного, так же как в контексте *пять человек пришло* род и число сказуемого независимы от рода и числа лексем, входящих в состав подлежащего. В этом смысле нет согласования и с местоименными лексемами *я*, *ты*, *себя* (в отличие от *кто*), соответственно, нет морфологических оснований "приписывать" им определенный род в сочетаниях типа *я сказала*, *Аня помнила себя, такую...* Эти лексемы находятся вне морфологического рода, в том числе «общего»: не все рядом находящееся связано структурно-синтаксическими связями, даже если они имеют внешнее подобие с ними, не все контекстуальное может быть квалифицировано как системное. В этом плане заслуживает внимания терминология, используемая при описании общего рода в «Русской грамматике»: «Особенностью существительных общего рода является зависимость их синтаксической сочетаемости от пола называемого лица <...>. Однако такая сочетаемость, определяемая полом называемого лица, не является строгим грамматическим правилом» [10. С. 466]. Авторы не используют обязывающего термина «согласование», предпочитая термин «сочетаемость», и тем самым дистанцируют общий род от жесткой («строгой») грамматики.

По названной причине существительные так называемого общего рода (*егоза*, *соня*, *плакса*, *сирота*) обнаруживают свой грамматический род не в

гендерно маркированных контекстах, а в контекстах гендерно нейтральных¹ (например, в свободном ассоциативном эксперименте) и особенно в контекстах контрадикторного типа, так, например, контекст *Машиа такой сирота* невозможен, поскольку «сильная» граммема женского рода (не пола!) препятствует согласованию по смыслу с ситуативно-денотативной «женской семьей», ассоциируемой с лексемой *Машиа*². Из такого «запрета» вытекает, что слово *сирота* не является словом грамматического мужского рода. Следовательно, в контексте типа *Вася наш сирота* сема мужского пола (не рода!) является «наведенной» на весь контекст и согласования по роду с *сирота* здесь нет. Ср. аналогичное поведение существительных *особа*, *дрянь*, бесспорно принадлежащих женскому роду. Существительное *коллега* с этих позиций мужского рода, так как невозможно *Ваня моя коллега*. Аналогично *повеса*, *воевода*, *староста*, *судья*, *голова* (должность) – существительное м.р., а *кокетка*, *вертихвостка* – ж.р.

Функционирование слов, относимых к общему роду, как проявление процессов «расшатывания» согласования

Иного плана дистанцирование от жесткой грамматики находим в «Опыте частотно-стилистического словаря вариантов» [11]. Вариативность сочетаний с «существительными общего рода» вводит проблему в новый контекст, образуемый колебаниями типа *эта толь / этот толь, этот домишко / это домишко, наша школа-интернат / наш школа-интернат* и т.п. Такая парадигма дает основания для принципиально иной концепции общего рода, которая в данном контексте становится частью **формальной** вариативности существительных по роду. Разумеется, как и во всех случаях конкуренции вариантов возникают моменты **нормативно-стилистического** характера, которые отдалают проблему общего рода от решения как содержательных (номинативно-денотативных) гендерных вопросов, так и вопросов грамматического статуса отношений внутри «конкурентных пар», как в случае с лексемой *лебедь*, которая в варианте мужского рода является нормой литературного языка, а женского – народно-поэтического (*лебедь белая плывет*). Характерно при этом, что в очерченный контекст включаются не только мужской и женский роды, но и средний род (*этот чудило – это чудило*) и даже множественного числа (*это жalousи / эти жalousи*). Именно так выстраивают контекст авторы названного словаря [11], помещая в один ряд «Род и смежные с ним явления» варианты типа *этот плакса / эта плакса, этот чудила / это чудило, кофе остыл / кофе остыло, директор пришел / директор пришла*. Гипертрофированная отражательность традиционной концепции и жесткость грамматической концепции уступают здесь место представлениям о функциониро-

¹ В заключительном фрагменте статьи «Обжора» описывается попытка осуществить нейтрализацию в направленном эксперименте.

² Аналогия. В эпизоде из «Золотого тельца» описывается, как в сумасшедшем доме мужчина изображал женщин: «Женщина с усами *закурил трубку, и сладкий запах табака «Наши кепстен» внес в мятежную душу Берлаги успокоение*». Нам представляется, что большинство носителей языка в данной денотативной ситуации предпочтут для глагола все-таки формально-грамматическое согласование, как того требует граммема слова *женщина*.

вании одушевленных существительных под эгидой условных значимостей и ортологических конвенций.

Говоря о расшатывании согласования при сочетании определяемых слов со словами, относимыми к общему роду, важно отметить также прямое – вне согласования – выражение семы женскости, где она выступает как несомненно номинативно сильная *не родись красивой, а родись счастливой*. Подобные конструкции (наряду с конструкциями типа *поэт была седая и худая*) ярко демонстрируют диалектику развития категории рода: деноминативные тенденции в одном участке системы «компенсируются» усилением номинативности на других. Наведенной семой в таких несогласованных конструкциях является преимущественно сема женскости. Морфологизация гендерных отношений (т.е. обретение ими условных смыслов, значимостей в рамках родовой грамматической парадигмы), по-видимому, в русском языке уже достигла определенного предела, исчерпанности, и в настоящее время наблюдается процесс деморфологизации, который может быть соотнесен с тенденцией русского языка к аналитизму. Расшатывание строгого, формально-грамматического, согласования – важнейший элемент данной тенденции. Другой особенностью данного процесса является движение формально-грамматических парадигм в сторону номинативности (как в примерах типа *врач пришла*) и, что не менее важно, движение классов слов, связанных с общим родом, в сторону лексико-стилистических парадигм. Так, в диссертации О.Ю. Горбацкой убедительно показана увязка существительных общего рода с различными социальными, ментальными, стилистическими коннотациями (см. также [9, 12]).

Такого рода процессы в русском языке не уникальны. Подобным образом деграмматизируется категория полноты / краткости прилагательных, их оппозиция, говоря словами Л.В. Сахарного [13], теряет признаки жесткой грамматичности, и их употребление все более связывается с мягкой грамматикой, дающей возможность выбора: *он умный / он умен* (несколько иначе идет развитие полноты / краткости у причастий, у которых краткие формы причастий совершенного вида жестко закрепляются за страдательными конструкциями (*проблема исследована*), тогда как глаголы несовершенного вида образуют пассив возвратными формами (*проблема исследуется*). Точно так же утрачивается жесткая грамматичность собирательных числительных (*сидели пять студентов / сидели пятеро студентов*), которая сохраняется лишь на небольшом «участке» числительных (*два, три, четыре*) в сочетании с существительными *pluralia tantum* (*четверо суток, но пять суток*).

Исследование показывает, как некоторые отклонения от строгих грамматических алгоритмов заполнения родовых кластеров и легализации их языковым сознанием расшатывают традиционную систему, каковой является категория рода. Отсюда правомерна и актуальна увязка такого рода процессов с темой «Активные процессы в современном русском языке». Перевод темы в область конкуренции вариантов, о чем речь шла выше, ярко иллюстрирует такую увязку. Принято считать, что наиболее общей тенденцией в современном русском языке является тенденция к аналитизму. Яркой чертой утраты синтетизма является ослабление формальной синтаксической зависимости всех типов, в том числе согласовательных алгоритмов. Обычно приводят в

качестве примера аналитизма проявления разного рода несклоняемости для иллюстрации отказа от согласования по типу приложений в составных именованных типа *лебедь-он, лебедь-она, космонавт-два, вес брутто*. Утрата жесткости грамматических связей означает в том числе и утрату однозначности (определенности) формы, которую предполагает собственно согласование. Поэтому переход на несогласовательные формы сочетания слов (*наша врач пришла, шимпанзе гуляла, я сказала*), независимое от существительного маркирование гендерности – значимое проявление аналитизма.

Гендерная семантика как компонент функционально-семантической категории. Макроуровень

Системное изучение гендерности как функционально-семантической категории в семантическом плане – вопрос будущего. Однако уже сейчас можно утверждать, что устройство этой категории весьма сложно и противоречиво. На макроуровне несомненно обнаружатся глобальные противопоставления, определяющие ее устройство и функционирование. Главное из них мы рассмотрели. Это оппозиции гендерно маркированных и гендерно немаркированных существительных, к которым мы причислили и лексемы так называемого общего рода. Но интересны и другие оппозиции.

Один из нерешенных (а точнее – нерешаемых) вопросов в традиционной концепции общего рода – соотношение «качества гендерности» у разных типов существительных, в первую очередь у одушевленных существительных – названий людей и названий животных. Их различие очевидно. Не случайно в большинстве научной и учебной литературы названия животных (типа *синица, таракан, кенгуру, сельдь, животное, насекомое*) не включаются в список существительных общего рода и трактуются, по сути как агендерные, т.е. имеющие устойчивый род в такой же мере, как неодушевленные существительные (*стул, табуретка, кресло*); они не обладают в своем лексическом значении конституирующей семей пола, но реально могут обозначать самцов и самок. Однако отрицание бигендерности и изменяемости по роду в зависимости от нее у таких слов в названной литературе имеет границы – относительно контекстов типа *кенгуру (шимпанзе) кормила детеныша* многие авторы, касающиеся этого вопроса, утверждают, что существительные *кенгуру* и *шимпанзе* уже «выступают как существительное женского рода» или что их «следует употреблять в женском роде» [14. С. 210].

Гендерная семантика как компонент функционально-семантической категории. Микроуровень

Отдельные лексемы и особенно отдельные акты актуализации гендерности в речи, как правило, представляют собой сложный симбиоз грамматического и лексического, системно-языкового и неязыкового, сигнификативного и денотативного, узуально-нормативного и ситуативного. Последовательный взгляд на ситуацию с позиций функционально-семантической категории гендерности – это отдельный аспект описания семантики одушевленных су-

существительных как словарных и речевых единиц. Попытаемся его проиллюстрировать.

Джентльмен. Лексема мужского рода, способность обозначать лиц разного пола имеет два варианта. В контексте *леди и джентльмены* актуализируется сема мужскости, которая во внеконтекстном (потенциальном) статусе лексемы ослаблена, но тем не менее наличествует, о чем говорит элемент метафоричности в контекстах типа *она настоящий джентльмен*. Для сравнения – лексемы мужского рода *товарищ* и *коллега*¹ имеют другую гендерную структуру, они являются агендерными, и их употребление для обозначения женщин вполне нормативно в русском языке и не требует метафорических алгоритмов.

Умница. Лексема (женского рода) не имеет в узусе гендерной пары по типу *шутник – шутница, затейник – затейница* и является агендерной. Пара *умник – умница*, используемая в названии известной телевизионной передачи «Умники и умницы», объединяет не гендерные антонимы, а паронимы – независимые друг от друга члены словообразовательного гнезда *ум*. Об этом говорит разная коннотация, присущая данным лексемам: *умник* – ироническая, *умница* – позитивная.

Болтушка, хохотушка. Несмотря на свою похожесть, данные лексемы женского рода имеют разную гендерную структуру: *болтушка* – агендерное, *хохотушка* – с семой женскости (сема ослаблена, возможность фраз *Миша – такой хохотушка* невысока). Здесь, как и в предыдущем примере, наличествуют сдвиги в словообразовательном гнезде: слова *болтушка* и *хохотушка* не связаны отношениями производности со словами *болтун* и *хохотун* (в отличие от *болтун – болтунья, хохотун – хохотунья*), хотя слабые (опосредованные и мутированные) мотивационные отношения с ними у слов *болтушка* и *хохотушка* несомненно присутствуют.

Конь, лошадь. Обе лексемы агендерны. Их оппозиция не имеет отношения к полу, лексемы являются синонимическими, они противопоставлены стилистикой, синтагматикой, нормативными контекстами.

Ворон, ворона. Данные лексемы обозначают разные виды птиц и с этой (научной) точки зрения являются агендерными². В обыденном сознании, незнакомом с данным фактом, они ассоциируются с членами гендерной пары. В ассоциативных словарях проявляется их разное концептное содержание (символика, стилистика, прецедентика).

Кошка, кот. Если слово *кошка* обозначает непротивопоставленное по полу родовое понятие (*кошки – тигры, львы, гепарды*) или обобщенное понятие (*любительница кошек*), оно является агендерным. Слово *кот* имеет сильную гендерную маркированность, хотя возможности ее нейтрализации

¹ Еще раз подчеркнем, в рамках развиваемой нами концепции лексемы *староста, старейшина, коллега, воевода, голова* (перен.), *расстрига, громила, рубака* и т.п. – мужского рода: *Иванов – моя коллега* – отчетливо ненормативный контекст, говорящий о том, что слово *коллега* не женского рода, тогда как в контексте-ситуации *Знакомьтесь. Зоя Иванова. Мой коллега* – мужской род у *мой* относительно нормативен.

² Мы не имеем в виду специальных биологических контекстов, где различие самок и самцов носит актуальный характер. Например, в определителях птиц, самцы и самки которых часто различаются по внешнему виду, возникает необходимость маркировать половые различия специальными значками.

обнаруживаются и в научном дискурсе (ср. название вида *камышовый кот*), и в дискурсе бытовом (*соседи завели котов*).

Женя (муж.) и **Женя** (жен.), **Седых** (муж.) и **Седых** (жен.). Такого рода пары иллюстрируют параграфы, посвященные общему роду, практически во всех учебниках по морфологии русского языка, где они размещаются в одном наряду с *пласка*, *сирота* и под. При этом не замечается, что их гендерная структура принципиально иная: гендерные семы у них сильные, входят в сигнификативную часть семантики. Следовательно, мужской и женский члены представляют **разные** лексемы и образуют **омонимические** пары, тождественные морфологически **не-омонимическим** парам типа *Евгений – Евгения*, *Петров – Петрова*, *Вагнер* (мужск., скл.) – *Вагнер* (жен., нескл.)¹.

Микроуровень (продолжение)

Гендерная семантика в толковых словарях русского языка

Анализ такого рода, на наш взгляд, должен присутствовать и при лексикографическом описании лексем. В настоящее время в словарях царит разноречие в подаче сем мужскости и женскости для одушевленных (и смежных с ними) существительных. Это касается не только грамматических помет (*муж.*, *жен.*, *муж.* и *жен.*, *муж* / *жен* и под.)², но и лексической части. В качестве иллюстрации рассмотрим две группы примеров: уже проанализированные *болтушка*, *хохотушка* и *баран*, *овца*.

Болтушка и **хохотушка**. В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [15] *болтушка* определяется как «то же, что болтун», а *хохотушка* – как «то же, что хохотунья»; на наш взгляд, такие толкования упускают наличие у слов *болтушка* и *хохотушка* более сложной семантической структуры по сравнению с *болтун* и *хохотунья*, в частности присутствие у первых элементов идиоматичности. В МАС [15] *болтушка* толкуется просто как «ласк. к болтун и болтунья», *хохотушка* – «то же, что хохотунья».

Баран и **овца**. В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [15] у слова *баран* выделяются два значения: 1) животное (с подробным описанием его свойств), 2) самец овцы (при этом сугубо гендерное значение почему-то иллюстрируется агендерными примерами: *глуп, как баран*; *как баран на новые ворота*; *стадо баранов*; *вернемся к нашим баранам* – с неожиданной апелляцией к этимологии этого крылатого выражения). В МАС значение «самец овцы» подается первым номером без примеров, второе значение – животное. При этом и в том и в другом словаре при лексеме *овца* есть описание животного, но нет упоминания о ее «женскости». Таким образом, словари синонимизируют лексемы *баран* и *овца* в безгендерном значении «животное» (для чего есть основания, ср. *баранина* и *овчина*) и весьма невняты в квалифика-

¹ Важно отметить, что двувидовые глаголы без исключения вписываются в «омонимическую схему» – *исследовать* (несов.) и *исследовать* (сов.) представляют собой морфологически разные лексемы. Если трактовать морфологическую лексему как совокупность словоформ, то у двух лексем *исследовать* – сов. и несов. – имеются разные наборы (ср. *исследуя* – только несов. и *исследовав* – только сов., *исследующий* – несов. и *исследованный* – несов.).

² Обзор словарных помет такого типа и вывод об их непоследовательности сделаны О.Ю. Горбачкой [2].

ции их гендерных отношений. Из словарных толкований явно вытекает, что *овца* – немаркированный член гендерной оппозиции, а *баран* – маркированный. Это не соответствует наивной картине мира, зафиксированной этими лексемами. Для носителей языка *овца* определено – «самка». Не исключено, что в опросе информантов исследователь получит круговое определение, как это получилось в словаре Д.Н. Ушакова [16]: *петух* – «домашняя птица, **самец кур**, с красным гребнем на голове и шпорами на ногах», а *курица* – «домашняя птица – **самка петуха**»¹. Такой «круг», впрочем, хотя и противоречит дефиниционной технике, весьма ярок в демонстрации сильной семы гендерности и вряд ли противоречит принципам наивной семасиологии.

Микроуровень (продолжение 2). Гендерная семантика слова в контексте: экспериментальное исследование

Необходимость соотнесения словарных описаний семантики слова с наивной картиной мира ставит перед лексикографией особые задачи, решение которых с опорой только на интуицию лексикографа вряд ли возможно. Это касается и оценки наличия / отсутствия, и силы семы гендерности в семантике слова. Здесь необходимо привлечение данных массовых экспериментов представления гендерной семантики в толковых словарях русского языка и сопоставления их с данными, например, ассоциативных словарей.

Обжора. В «Русской грамматике» утверждается, что «в отвлечении от пола называемого существа слова общего рода имеют тенденцию синтаксически функционировать как слова мужского рода; например, в журнальной статье *рыбка*, пролежавшая в пластах третичной формации 60 миллионов лет, названа: "*Древнейший обжора в мире*"» [10. С. 466]. Однако, на наш взгляд, подобное утверждение строится на контексте одного человека, и уверенности в том, что оно совпадает с нормой, сложившейся в массовом обыденном сознании, здесь быть не может.

Для получения массовых данных был проведен ряд опросов² с целью выяснения, действительно ли в повседневной речи для адъективного определения к слову *обжора*, традиционно относимому к общему роду, выбирается форма мужского рода. В качестве респондентов выступили пять групп молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет. Респондентам было предложено выбрать тот вариант ответа, который они бы употребили в повседневной речи.

В предложениях слово *обжора* согласовывалось с прилагательным мужского или женского рода. При этом для первой группы подлежащее было выражено существительным женского рода, обозначающим животное без указания его пола (*рыбка*): *Эта рыбка – древнейший обжора в мире.* / *Эта рыбка – древнейшая обжора в мире.* Для второй группы подлежащее было выражено несклоняемым существительным мужского рода без указания на половую принадлежность (*какаду*): *Ваш какаду – страшный обжора.* / *Ваш кака-*

¹ Отметим важную деталь в контексте словарного разнообразия в подаче гендерности. У Д.Н. Ушакова гендерное значение дается в ряду характеризующих признаков предмета, для них не выделяется отдельный ЛСВ, как у С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой и в МАС.

² Автор благодарит студентку второго курса Кемеровского госуниверситета Е. Назарову за проведение данных опросов.

ду – страшная обжора. Для третьей и четвертой групп подлежащее было выражено существительными мужского и женского рода соответственно с указанием на половую принадлежность (*брат, сестра*): *Мой друг Кирилл, хоть и обжора, но самый лучший обжора в мире. / Мой друг Кирилл, хоть и обжора, но самая лучшая обжора в мире. // Я не перестаю удивляться своей сестре: она ужасный обжора. / Я не перестаю удивляться своей сестре: она ужасная обжора.*

В опросе 5 предлагалось подлежащее, выраженное существительным среднего рода, с отвлечением от пола.

Соседи купили . . . шкаф. – Соседи купили новый шкаф.

На полу лежит . . . кошка. – На полу лежит сонная кошка.

Мы увидели . . . дерево. – Мы увидели высокое дерево.

Это животное . . . обжора. – Это животное . . . обжора.

Полученные в ходе опросов результаты представлены в следующей таблице:

Род	Опрос 1 («рыбка»)	Опрос 2 («какаду»)	Опрос 3 («брат»)	Опрос 4 («сестра»)	Опрос 5 (животное)
Мужской	6 чел. (12%)	37 чел. (74%)	50 чел. (100%)	5 чел. (10%)	12 чел. (24%)
Женский	44 чел. (88%)	13 чел. (26%)	0	44 чел. (90%)	38 чел. (76%)
Средний	0	0	0	0	0

В опросе 1, в противовес «Русской грамматике», 88% респондентов считают, что слово *обжора* при подлежащем *рыбка* (жен. р., без указания на пол) согласуется с прилагательным женского рода. В опросе 2 14% респондентов указали, что слово *обжора* при подлежащем *какаду* (муж. р., несклоняемое) согласуется с прилагательным мужского рода. В опросе 3 все респонденты ответили, что слово *обжора* при подлежащем *брат* (муж. р.) согласуется с прилагательным мужского рода. В опросе 4 90% опрошенных считают, что слово *обжора* при подлежащем *сестра* (жен. р.) согласуется с прилагательным женского рода. Таким образом, можно сделать вывод, что существительное общего рода *обжора* согласуется с прилагательным в мужском или женском роде в зависимости от контекста.

Наличие контекста и отвлеченность от пола в варианте, предложенном в опросе 5, обусловило постановку прилагательного в женском роде в связи с граммемой женского рода в лексеме *обжора* (полагаем, что контекст *Маши – большой обжора* маловероятен в корректно проведенном опросе). Соответственно, утверждение «Русской грамматике» о том, что «в отвлечении от пола называемого существа слова общ. р. имеют тенденцию синтаксически функционировать как слова муж. р.», можно подвергнуть сомнению в связи с результатами проведенного опроса.

В теоретическом плане опрос показал зависимость рода определяемого слова от контекста. Это, на наш взгляд, еще раз (но уже в другом плане) свидетельствует об отходе в данном фрагменте лексики (агендерных лексем) от принципа жесткой грамматики. Такие «вибрации» граммемы в ответ на запрос контекста говорят об ослаблении прямой формально-грамматической

детерминации, свойственной жесткой грамматике. Хотя по сути согласование в контексте остается, но словом-детерминантой становится отдаленная лексема – *рыбка, какаду, брат, сестра, какаду* (за которым «стоит» *попугай*). В последнем случае находим аналогию влияния на род существительных формально скрытого опорного слова (*Онтарио* – среднего рода, так как озеро, *цеце* – женского, так как муха, *ЦСКА* – мужского, так как клуб, *домище* – мужского, так как дом и т.п.). При отсутствии опорного слова в последнем опросе и невозможности согласования по среднему роду с лексемой *животное* задействуются внутренние свойства лексемы, т.е. ее системная граммема.

Заключение

Итак, гендерность представлена в современном русском языке как функционально-семантическая категория с широким диапазоном разнопланового содержания и разноуровневых средств его выражения. План содержания (гендерная семантика) данной категории организуется многими параметрами. Центральным из них является оппозиция гендерности и агендерности. Агендерность широко представлена в сфере одушевленных существительных, в их числе существительных, традиционно относимых к общему роду. Гендерность маркируется на системном уровне наличием гендерной семы в самом лексическом значении, которая может быть сильной и слабой. В денотативно-речевом плане гендерность может быть представлена имплицитно (как знание ситуации) и может эксплицироваться в разных формах, в том числе в виде несогласуемых форм адъективных определений и сказуемых. Грамматическая семантика (морфологический род) существительных существует в лексеме независимо от модуляций денотативно-речевой семантики.

Литература

1. Голев Н.Д. Морфологическая сущность существительных так называемого общего рода // Виноградовские чтения: материалы межвуз. науч. конф. – Тобольск, 2001. – С. 107–108.
2. Горбачкая О.Ю. Отражение гендерно-родовых отношений в системе языка и метаязыковом сознании носителей языка: дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2013. – 229 с.
3. Трофимова Е.Б. Существительные общего рода как проблемное поле в лингвистике // Актуальные проблемы современного словообразования: сб. науч. ст. / под общ. ред. Л.А. Араевой. – Вып. 4. – Кемерово, 2011. – С. 475–480.
4. Аксенов А.Т. К проблеме экстралингвистической мотивации грамматической категории рода // Вопр. языкознания. – 1984. – № 1. – С. 14–25.
5. Ласкова М.В. Грамматическая категория рода в аспекте гендерной лингвистики: дис. ... д-ра филол. наук. – Ростов н/Д, 2001. – 302 с.
6. Руденкова М.В. Проблема семантики грамматической категории рода: подходы и концепции // Междунар. науч.-практ. (электронный) журнал «Inter-cultur@l-net». – Вып. 5 [Электронный ресурс]. – URL: <http://vfn.glu.wladimir.ru/Rus/html/journal.htm>
7. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М.: Высш. шк., 1986. – 640 с.
8. Норман Б.Ю. Грамматическая категория рода как фрагмент обыденного метаязыкового сознания // Обыденное метаязыковое сознание: онтологический и гносеологический аспекты. Ч. 3 / отв. ред. Н.Д. Голев. – Кемерово, 2010. – С. 87–105.
9. Павлова Т.С. Функционирование существительных общего рода в художественном тексте // Изв. Пензен. гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского. – 2011. – № 23. – С. 205–207.
10. Русская грамматика. – Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М.: Наука, 1980.

11. Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. – М., 1976. – 458 с.
12. Павлова И.Б. Оценочность существительных общего рода и средства ее выражения // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. – Сер.: Русская филология. – 2010. – № 5. – С. 52–58.
13. Сахарный Л.В. Человек и текст: две грамматики // Человек. Текст. Культура / под ред. Н.А. Купиной, Т.В. Матвеевой. – Екатеринбург, 1994. – С. 7–59.
14. Современный русский язык: в 2 ч. – Ч. 1 / под ред. Э.Д. Розенталя. – М.: Высш. шк. – 1976.
15. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1996. – 928 с.
16. Словарь русского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 1981–1984.